

АЛЕКСАНДР ПЫЛЬКИН

Философ, поэт

Родился в 1975 году в г. Лебедяни Липецкой области. Закончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Кандидат философских наук. Работает преподавателем в Политехническом университете. Сферу интересов составляют русское гетерофонное пение и наша музыкальная традиция в целом, а также метафизика, психогеография, адекватные формы проявления анархии и вообще пути спасения собственной человечности в порядке мира.

«ПРОСТАЯ МЕХАНИКА ПРЕВРАЩЕНИЯ...»

Так тих был и замедлен почему-то
За окнами сиротского приюта снег,
Что стало ясно: он ждёт нового сиротства,
И волосы и плечи одного из тех,
Чей в чреве снегопада бьётся смех,
Уже отметив сыпью первородства.

Где-то на самом дне,
В сердце фарфоровой белизны,
Лишь немного тёмного сора
Явил исход церемонии чайной,
Словно, склонившись
Над снежным простором страны,
Вдруг пепелище остывшее
Кто-то нашёл неслучайно.

Пока время проходит сквозь нас,
Где-то в отверстом небе гнездится
Незрячий глаз, неморгающим веком,
Провалом глазницы связан ещё
Со своим человеком.

* * *

Грядущего обильный урожай
 Ждёт нас в саду, отныне изречённом, —
 Всей тяжестью плодов и наших судеб спелых,
 И ни корзина не нужна там, ни садовый нож,
 Ибо лишь яблоко пророчества,
 В словах окаменелых
 Застрявшее и сгнившее, найдёшь.

* * *

О путник, береги своё лицо.
 Смотри, чтоб ветви головы
 Вдруг не переплелись
 С нависшей вокруг тебя словесной чашей:
 Иначе в голову тебе, увы,
 Грядущих смыслов тяжкое яйцо
 Опять отложит стих живородящий.

* * *

Как долго был младенец, в животе
 Своей укромной матери таясь,
 Покуда не родился наконец...
 Так вот однажды человек
 В открытый космос вышел в первый раз.
 Так, милая, — во внешней пустоте, —
 Жена, невидимо практически
 Сдвигаешься ты к кухонной плите,
 Как прозрачный корабль межгалактический.

* * *

Какой необратимо странный образ:
 Шевелится чертами всё живей,
 Всё судорожней тянет обе...
 А как хватает ловко, пятипал!
 Покуда был ты в глиняной своей
 Утробе, я тебя ещё не знал.

* * *

Поистине, парадоксально вдохновенье
И духа божьего извилист путь,
Когда на чашу полную глядишь,
Предавшись мыслям разным,
Но понимая, что из этой чаши лишь
Ещё и можно воздуха глотнуть
Своим двугубым ртом жаброобразным.

* * *

Словно дитя из материнской утробы,
Крот из земли выходит на свет и кричит.
Так рождается день.
А значит, ночь — словно земля...
И если ты понял уже, что твоя
Мысль потеряла словесную эту иголку,
Не сокрушайся же — вдень ещё раз,
Именем нового дня себе вышивающий
Шапочку мозга без толку.

* * *

С лица закатного блюда —
О, торопись, — лакай, исхудалый
Котёнок вечной жизни, пока
Не напьются вечерние черви
Мертвенной бледностью молока.

* * *

Все знают: мир — это велосипед,
Простая механика превращения
Ноги Бога в колесо Человека.
Но, Господи, слышишь ли, как в колене твоём
Скрипит заржавевшая ось уходящего века? —
И вместе с тобой мы неновую песенку эту,
Скрипя шестернями, поём.

* * *

Птица — это ангел без рук и лица.
Ты же, в сущности, — просто крыло,
Человек, чей взмах рассеет
Однажды лицо во Вселенной,
Этим движеньем простым без конца
Славя легко и светло пустоты хрящ нетленный.

* * *

Жил один человек, и не было
У человека этого детей,
Не было у него и родителей,
Ни брата, ни сестры, ни друга,
Даже жены у человека не было.
И жил он со своей болезнью,
С которой они были неразлучны.
Пока он шёл домой — она ждала.
Когда, придя домой, садился в кресло,
Она уже стояла перед ним.
Когда же на кровать ложился,
То был уверен, что лишь с ним одним
Она лежит, за сердце обнимая.
Так с ним она до самого конца была
И перед смертью крепко обняла.
Его больше нет, болезнь же и поныне
Вдовой бессрочной ходит по земле.
И она не одинока.

* * *

Старик
Или, может быть, не совсем старик,
Столь тяжко соком мира налитые
Свои глазные яблоки закрой навеки
В прохладный мрак коробки черепной,
Чтобы оттуда мировое древо
Взошло сквозь веки яблонькой слепой.

* * *

Ни пророк, ни мученик, ни герой:
Человек — апельсин неочищенный,
У которого под кожей
Унижений, страдания и боли —
В сплошной, бугорчатый
Шар удивленья сросшиися доли.

* * *

О, колесо, — воплощённый
Круговорот времён года!
Летом, осенью, зимой и весной
Крутись, по дорогам катясь,
Порой унося ездовых невозвратно —
Где их радушно принимает природа
В свою придорожную грязь.

* * *

В старости граница есть такая,
За которой старик, старушка ли,
Весь день по магазинам семена без дела,
Задумается вдруг, впадая
В полное оцепененье бытия,
Да так, что продавщица рыбного отдела
В своём сердце скажет,
Рыб перекладывая нежно:
«Совсем форель-то старая моя —
Настолько, что задумалась, конечно».

* * *

Сосредоточься, ловец, и схвати,
Ибо крови поток вымывает из сердца
Чёрный песок средоточия,
Отмели слов намывая,
Где, словно рыба, смысл бьётся,
Чтобы назад в глубину многоточья уйти...

Прежде чем ты захочешь сделать
Себе приспособленье это для
Опоры внутренней, пойми,
На что бы тебе лучше опереться:
На основанье костыля
Иль на велосипедную педаль,
А то так обопрёшься, чтобы не упасть, —
Умчит костыль в заутреннюю даль.

Подожди, человек,
Задержишься ещё ненадолго
На бесцветных этих словах,
Как бы выдавленных
На дощечке из красного воска
Железной иголкой, —
И возможно, твоя голова
Ощутит что-то: ведь
Общее возбуждение мозга
Выросло органом ожидания — и вот
Он оттопырился и ждёт.

Сколь ты глубок, зависит от того,
Было ли у тебя время понять,
Что твой ныряльщик, нырнувший за смыслом,
Уже давно просто утопленник,
Что погружается всё глубже
В открытом поиске дна,
И впереди у него лишь одна глубина.

Представь, что у тебя во лбу есть глаз,
Которым ты не видишь ничего,
Что видишь ясно прочими глазами, —
И может быть, ты ощутишь как раз,
Что на тебя доверчиво глядит
Залёгшее за образами.

* * *

Представь, что ты обычный мужичок.
 Берёшь червивый образ и крючок
 Реальности им наживляешь ловко.
 Закинуть — тоже надобна сноровка.
 Потом сидишь и смотришь, только сам
 Ещё не знаешь: хочешь или нет,
 Внимая проторыбьим голосам,
 Быть славным рыбарём немых побед.
 И размышляешь: если рыба схватит,
 То я хочу и буду рыбаком,
 А нет — так мне и не хотелось: кстати
 Сижу-гляжу здесь хитрым мужичком.
 А рыба ни о чём вообще не знает —
 Любые образы хватает ртом мгновенно,
 И даже — образ двух сращённых тел,
 В котором человек — одновременно
 Рыбак и рыба: ведь ты захотел.

* * *

Если хотя бы однажды ты видел
 Множество малых отверстий
 В краях ослепительно белого света,
 Глядя на то, как идёт первый снег,
 То понимаешь, наверно, что мир — это
 Четырёхмерный дуршлаг-самослей,
 Через который, если готов человек,
 Вся метафизика
 Светлых просторов загробных
 Скоро уходит, оставив червей
 Макароноподобных.

* * *

Откуда-то из беспредельности Вселенной,
 Из-за горизонта, на краю земли
 Вдруг появляясь, хоть и взгляд твой твёрд,
 Грузёные рабами корабли,
 С цветастыми флажками или без,
 Через глазницы прямо — входят в порт,
 Что спит под куполом твоих небес.

* * *

Свой вечный праздник празднует природа:
 Съедая звёзды, земли, города,
 Горит костёр зелёный.
 Но иногда приходят времена,
 Когда в агонии намеренно продлённой
 Кричат безмолвно тысячи существ.
 Как только упокоятся они,
 Опять настанут праздничные дни.

* * *

У внутреннего инвалида своего
 Попробуй костыли привычек отбери,
 Чтобы своим падением измерил он —
 Сколь воля опереться глубока,
 Но помни: сгнившее в пыли земли
 Зерно — опора нового ростка.

* * *

Ночь древняя,
 Которая заполнила до края
 Все вещи, окружающие нас,
 Столь глубока,
 Что тишину её нарушит спичка,
 Картонную калитку одноразового дня
 Нам открывая, словно бы отмычка,
 В распахнутую ярость праогня.

* * *

Знать жажда неуёмная
 При мысли о конце нас повергает в ужас.
 Но ты не вытирай в тоске
 Пот подлинности на виске.
 Когда же срок придёт, то, поднатужась,
 Уверенно, но без рывков, тяни,
 Ведь уходя из жизни, открываешь
 Дверь, за которой продолжение стены,
 О чём так никогда и не узнаешь.

* * *

Поэт сродни не кормленной собаке:
 Подобно ей, он рыщет в полумраке.
 Любую встреченную вещь хватает,
 Несёт в нору и с жадностью смоктает,
 Покуда смысла сердцевину целиком
 Не выест, как из кости мозговину...
 А после вертит радостно хвостом,
 Поистине космат и шелудив,
 Не сознавая вовсе между делом,
 Что чаёт мир сложить скелетом пустотелым,
 В который дунет ангел, вострубив.
 Тогда, быть может, жучка станет человеком.

* * *

Лишь ветер — выбегая на дорогу,
 Как крыльями руками не маши,
 Коль больше не ворочается жёрнов,
 Перетирающий зерно души в пыль слов:
 Среди запылённых стульев и столов
 Постой здесь, окна в мельнице задёрнув.

* * *

Это небольшое, твёрдое,
 Пронизанное светом,
 Удлинение в мозгу твоём, —
 Засеянное в голову зерно.
 Да не прервётся мысль твоя об этом.
 Будь к ней внимателен
 И ей во всём покорен.
 Иначе может статься, что оно
 Немыслимый однажды пустит корень.

* * *

Лишь опираясь на скелет,
 В земной основе обретёшь опору.
 Вполне возможно, через много лет
 Кому-то могут оказаться впору
 Твои в бесцветной земляной пыли
 Белеющие мирно костыли.

Из цикла «Песни о святых и юродивых» (1997–2002)

Как будто на холмах былинных
 Два войска встретились старинных,
 Друг другу издавна враждебных:
 Рогатых и крылатых.
 Одни в одеждах непотребных,
 Другие в белых латах.
 Одни с горящими мечами,
 Другие с ржавыми крюками.
 Одни певучими речами,
 Другие грязными руками
 Команды отдавали...
 Лазурью засияли дали.
 У края отступившей тьмы
 Стояли так они и мы.

В деревьях чёрных человек
 Без пальцев на одной руке
 Окурок белый в мундштуке
 Зажечь пытался. Падал снег.
 Пришёл старик, худой, в заплатах,
 Рукой усохшей указал
 На стадо голубей крылатых,
 Ходящих мирно, и сказал:
 «Гляди, гуляют пальцы новые.
 Мне стоит только подмигнуть —
 Ногтями станут клювы эти...»
 «Пускай живут, мелкоголовые, —
 С улыбкой человек ответил, —
 А я без пальцев как-нибудь».
 Ушёл, потупившись, старик.
 Унёс росинку на реснице.
 И подбежали в тот же миг
 На алых своих лапах птицы,
 Пять алолапых голубей.
 Пять синегрудых голубей
 Достали спичку из коробки
 И, слабы с непривычки, робки,
 Потёрли о коробку ей.

.....

Когда туман с рассветом тает
 Над полем, засеянным минами,
 Сапёров сонных охраняет
 Святой Стефан с перстами голубиными.

* * *

Так, прислонясь к стене, скончаться,
 Чтоб мой задумчивый скелет
 Стоял, пока созвездья мчатся,
 Стоял недвижно много лет,
 Подпертый каменной стеною.
 И развалился, горд и прям,
 Рукой своею костяною
 Махнув наставшим светлым дням.

* * *

Шёл по улице кривой
 Продавец гвоздей хромой.
 Он кричал на весь квартал:
 «Гвозди! Гвозди! Гвозди! Гвозди!»
 Продавая тук свиной,
 Шёл по улице немой.
 Колотушкой деревянной
 Голосил он, окаянный:
 «Тук! Тук! Тук! Тук!»

* * *

Подбежала к деду девочка
 И сказала: «Милый дедочка,
 Пуговку пришей скорей
 К кофте синенькой моей.
 А за то из трав цветущих
 Я сплету тебе веноч.
 На главу твою седую
 Я надену тот веноч.
 И о смерти ты забудешь.
 И грустить уже не будешь».
 Глянула очами девочка
 И сказала: «Милый дедочка,
 Пришиваешь ты без толку.
 Слабы старые глаза:
 Нитку ты не вдел в иголку.
 И в глазах твоих слеза».

— «Не грусти, моя голубка.
Справлюсь с пуговкою я.
Не видна тебе, голубка,
Нить воздушная моя.
Вот и кончена работа —
Надевай-ка, повернись».
Надела кофту девица.
Покатилась пуговица.

* * *

У пожелтевшего куста
Стояла шавка без хвоста.
Змея с ней рядом извивалась.
И сумасшедшему казалось,
Что та змея — собачий хвост.
И он, смятенный, глупо скалясь,
Бежал тайком на старый мост
Глядеть, как с поля возвращались
Крестьяне, срезавшие хлеб.
Колёса по мосту стучали.
Спустилась ночь, а он в печали
Стоял и думал, что ослеп.

* * *

В полях, где воздух свеж и чист,
Ползёт змея устало.
С лицом багровым машинист
Шевелится как жало,
Шершавый высунув язык.
Стоит в полях, скребя кадык
Своими грязными перстами,
Смятенный труженик земли:
Размером — словно под ногами
Змея, ползущая вдали.

* * *

Крестьяне гнались за Николой,
Что продирался сквозь терновник,
Изъязвленный шипами, голый,
Пропажи курицы виновник.
Бежал сквозь тёрн худой Никола.
Вонзались в тело злые жала.
Бежал в ночи густой Никола.
Из ран глубоких кровь бежала.

Стал чистой влагой под глазами
 Душевной боли порошок.
 Устала плоть — Никола замер.
 И сразу стало хорошо.
 Крестьяне страшными цепями
 Гремели где-то в темноте.
 И псы своими голосами
 Ночь утопили в хрипоте.
 Но он стоял, не слыша лая,
 Забыв изодранную кожу...
 Так в первый раз святому Николаю
 Примерить довелось терновую одежду.

В деревяшку двери не стучите
 Башмака начищенным носком.
 Не ответит здесь никто на стук вам.
 Пухлый перст с усохшим ноготком
 Ползает по чёрным жирным буквам,
 И спадают старые очки.
 И плевать, что в пище позабытой
 Завелись тугие червячки,
 И который день в гробу корыта
 Спит белья воняющий покойник,
 И в воде, налитой в рукомойник,
 Зацвела болотная кувшинка.

Пришёл кузнец к себе домой,
 А в колыбели — человек.
 Тихонько плача, встал большой
 Пред малым на колени.
 Шептал с улыбкою большой:
 «Ну что ты плачешь, мой кузнечик?
 Что ты плачешь, мой чудесный?..
 Знаешь, времени стрела
 Виснет в радужном полёте.
 Быстро проползут года.
 Ты, мой маленький кузнечик,
 Станешь взрослым кузнецом.
 И расправишь свои плечи
 Рядом с маленьким отцом».
 Во тьме, вздохнув, потухла свечка.
 Из деревянной колыбели
 Кузнечик смерти ловко прынул,

И грустно ангелы запели,
 Нарушив голосами тишь.
 Во мраке мёртвый спал малыш.
 Три ночи, три безумных ночи
 Стоял кузнец у колыбели,
 И от печали слепли очи.
 Иногда в полях далёких
 В светлый августовский день
 Можно встретить одиноких
 Из соседних деревень
 Кузнецов. Тихонько плача,
 Они ходят на просторе.
 Их покинула удача?
 Или их постигло горе?
 Приютивши на ладони
 С парой длинных лапок тварь,
 Плачут добрые тихони,
 Одинокие, как встарь.
 И слышны в тиши их речи
 (Или речи трав увядших?):
 «Ты не плачь, не плачь, кузничик,
 Станешь, станешь кузнецом».

Осенний ветер теребил
 Рябины ветвь в моём краю.
 Осенний ветер говорил:
 «Отдай мне ягоду твою.
 Она уже давно поспела
 И, алая, висит без дела».
 — «Осенний ветер, уходи.
 Зимой жестокой у зари
 С пожаром алым на груди
 Склюют рябину снегири.
 Лети отсюда ветер,
 Лети куда-нибудь.
 Здесь плещет алый цвет
 Для тех, кого здесь нет».

Осенний день был тих и светел.
 Я поздоровался кивком
 С моим знакомым стариком,
 И тот мне вежливо ответил.

И я ушёл, а он, увы,
Сдержатъ не может головы.
Она, седая, всё кивает,
Как будто что-то вспоминая.
И как бы говорит она:
«Да, были люди, были времена...»

Когда за трапезой простой
Застанет ночь ловцов отряд,
По длинной лестнице входной
Железа загремят.
И за дверьми восстанет глас
Окрестной дурочки Наташи:
«Откройте, я вам принесла
Капканы ваши».

Раз в год, винтовки прихватив,
Мы все уходим к перевалу,
Где делает тропа извив
И дальше вверх ползёт устало.
Один раз в год, вертя нелепо
Своими синими глазами,
Они бегут куда-то слепо,
Большие, серые, с рогами.
Они бегут здесь ровно час.
И знает каждая ворона,
Охочая до синих глаз,
Когда приходит время гона.

Бог не борода какая,
Но порою человек
Отрастит его себе,
Ходит толстый и богатый.
Или Бог подобно рогу
Вырастает понемногу.
И однажды, сам не рад,
Чувствуешь, что ты богат.